головою выше всѣхъ его товарищей на скамьѣ подсудимыхъ. Балабанову принадлежитъ пальма первенства и его рука чувствовалась вовсемъ. Ближайшимъ его сподвижникомъ былъ Антонъ Морозовъ, а остальные члены занимали второстепенное положеніе. Балабановъ хозяничалъ въ банкѣ, какъ ему хотѣлось; но наступилъ декабрь 1876 года и какъ ни благодушно относилось корочанское общество къ своему банку, но и оно должно было серьезнѣе отнестись къ дѣятельности банковскихъ воротилъ. Затѣмъ прокуроръ перешелъ къ фактической сторонѣ дѣла и по пунктамъ сталъ разбирать преступленія Балабанова и его товарищей. Объясняя присяжнымъ значеніе подлога и въ особенности подлога совершеннаго должностнымъ лицомъ, обвинитель старался возможно яснѣе разобраться въ массѣ данныхъ по этому пункту. Поддерживая положенія и выводы обвинительнаго акта, г. Денисьевъ отказался отъ обвиненія Таранчука въ сознательномъ учитываніи безденежныхъ векселей и отказался отъ обвиненія также Балабанова въ подлогѣ по Карповскимъ векселямъ. Сводя итоги того, что сдѣлалъ Балабановъ и его товарищи, обвинитель отмѣтилъ особенно то обстоятельство, что покрытіе ущерба произошло далеко не въ полной мѣрѣ и далеко не такъ добровольно со стороны Балабанова, какъ объ этомъ говорили. Послѣдствіемъ всего этого была ликвидація дѣлъ банка и крушеніе другаго мѣстнаго кредитнаго учрежденія—общества взаимнаго кредита, судьба котораго была также тѣсно связана съ дѣлами городскаго банка. Тотъ и другой банкъ помѣщались въ одномъ домѣ Балабанова, ихъ раздѣляла его квартира; банкъ былъ частной кассой Балабанова, онъ существовалъ лишь для него. Гражданскаго иска городъ не предъявилъ потому, что это безплодный расходъ: у Балабанова ничего нѣтъ. Бухгалтеръ Шопинъ былъ матеріальнымъ орудіемъ преступленій Балабанова и его вина не менѣе важна; виновные и остальные подсудимые, которые достаточно взрослые люди и прекрасно понимающіе, что такое подлогъ и что такое злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ. Въ заключеніе прокуроръ замѣтилъ, что подсудимые не хотѣли чтобы дѣло слушалось въ Корочѣ, гдѣ мѣстное общество по достоинству оцѣнило бы ихъ дѣятельность. Они перенесли дѣло въ Харьковъ, отведя во время перваго разбирательства присяжныхъ засѣдателей. Но и здѣсь, несомнѣнно, имъ не удастся избѣгнуть заслуженнаго воздаянія за свои дѣла и приговоръ харьковскихъ присяжныхъ также будетъ не убѣляющій, а карающій. Рѣчь прокурора, благодаря своему спокойствію и логической послѣдовательности, произвела на присяжныхъ и публику замѣтное впечатлѣніе.

Переходя къ изложенію рѣчи защитника Балабанова, прис. пов. Плевако, приходится заранѣе сказать, что передать ее очень трудно. Живая, остроумная, образная, полная риторическаго блеска и юмора, она слушалась всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ, несмотря на то, что длилась слишкомъ два часа. Еще вначалѣ г. Плевако заявилъ, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ борцамъ, которые сразу не нападаютъ, а дѣлаютъ это лишь тамъ, гдѣ нападеніе не только необходимо, но и возможно. Онъ признаетъ многое изъ того, что говорилъ обвинитель, ибо уважающій себя защитникъ въ дѣлахъ о банковскихъ злоупотребленіяхъ по многимъ вопросамъ долженъ итти рука объ руку съ прокуроромъ. Избѣгая шаблоннаго пріема защиты банковскихъ злоупотребленій и ихъ виновниковъ, г. Плевако обратился къ присяжнымъ съ просьбою, чтобы они только внимательно отдѣлили малую вину отъ большой и типъ однихъ банковыхъ дѣльцовъ и растратчиковъ отъ другихъ. Путемъ остроумныхъ сопоставленій героевъ банковскихъ краховъ, г. Плевако выяснилъ передъ присяжными всю миніатюрность и патріархальность Балабанова и его товарищей сравнительно съ Юханцевымъ и др. Множество обвиненій, предъявленныхъ къ подсудимымъ, защитникъ сравнилъ съ обвиненіемъ въ тяжкомъ увѣчьѣ, нанесенномъ кому-либо. Вмѣсто такого обвиненія виновнаго въ нанесеніи увѣчья, его судили бы не за самое увѣчье, а за то, что онъ оцарапалъ щеку, оторвалъ часть ногтя на мизинцѣ, переломалъ одно ребро, переломалъ другое, третье и т. д. Также слѣдуетъ отнестись и къ обвиненію Балабанова. Онъ виноватъ въ томъ, что легкомысленно пользовался деньгами корочанскаго банка, но не присвоивалъ ихъ себѣ; онъ искренно готовъ былъ заплатить эти деньги при улучшеніи своихъ дѣлъ, и онъ уплатилъ все имъ взятое. Онъ не расхищалъ денегъ, какъ банковый растратчикъ; оставлялъ слѣды того, что бралъ —свои векселя. Подлоговъ защитникъ не признавалъ, исходя изъ того, что разъ обвинитель признаетъ, что банковскія книги были не законны, ибо не были установленнымъ порядкомъ освидѣтельствованы, то и не можетъ быть въ нихъ подлога. По всѣмъ обвиненіямъ защитникъ старался доказать, что имущественнаго ущерба отъ нарушенія нормальнаго устава о банкахъ не было; онъ весь покрытъ. Все несчастіе говорилъ г. Плевако, произошло отъ того, что и г. Короча, прослышавъ о томъ, что есть-де на свѣтѣ банки, завелъ таковой и у себя. Бразды правленія онъ вручилъ Балабанову и послѣдній сдѣлался его хозяиномъ. На вывѣскѣ банка слѣдовало надписать не „Корочанскій город. общ. банкъ", а „Банкъ Ив. Софр. Балабанова". Книги банка велись сами по себѣ, а дѣла банка шли тоже сами по себѣ. Это были стороны остраго угла, расходившіеся все дальше и дальше по мѣрѣ удаленія отъ своей точки. Безнаказаннымъ Балабановъ не долженъ остаться, да онъ и не остался: онъ сидѣлъ два года въ тюрьмѣ и теперь —оказался совершенно нищимъ. Онъ раскаялся и загладилъ свои вины, а это такія черты, которыя присяжными должны быть приняты во вниманіе и во имя „благоразумной уголовной политики" служить „къ пощадѣ" Балабанова.

Защитники остальныхъ подсудимыхъ, гг. прис. пов. Байковъ и Приходько доказывали незначительность участія въ дѣлѣ ихъ кліентовъ и покрытый ими ущербъ. Затѣмъ стороны обмѣнялись возраженіями.

Подсудимые въ послѣднемъ словѣ просили объ ихъ оправданіи.

Въ 10 часовъ вечера были закончены пренія и предсѣдатель, г. Завадскій, приступилъ къ чтенію вопросовъ, которыхъ было 65, и произнесъ резюме, длившееся до 12 часовъ. Г. Завадскій съ строгою объективностью, ясностью и полнотою изложилъ весь матеріалъ, собранный судебнымъ слѣдствіемъ, разбивъ его по группамъ. Во время резюме предсѣдателя съ подсудимымъ Балабановымъ сдѣлался обморокъ, такъ что онъ былъ вынесенъ изъ залы.

Приговоръ присяжныхъ и палаты напечатанъ выше.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗЕМСКАЯ
ОРЛОВСКО-ВИТЕБСКАЯ
ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА

доводитъ до свѣдѣнія гг. товароотправителей, что за за перегрузку въ Орлѣ хлѣбныхъ грузовъ и масляничныхъ сѣмянъ, отправляемыхъ полными вагонами съ Московско-Курской дороги, на дороги лежащія за Витебскомъ, она будетъ исчислять плату до 1 мая 1883 г., по 1 руб. 71 коп., вмѣсто нынѣ взимаемой, согласно конвенціи дорогъ I группы, по 3 руб. съ вагона въ 600 пуд. 3—1.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ

съ 20-го февраля сего года **бандажи** для желѣзнодорожныхъ колесъ и **рессоры** будутъ перевозиться по Московско-Курской дорогѣ съ платою по **одной двадцать пятой коп.** ($^1/_{25}$ к.) съ пуда и версты. 3—1.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Съ 15-го февраля 1883 года по Московско-Курской дорогѣ перевозятся: **пенька и пакля**, при отправкахъ въ Москву и за Москву, по **восемьнадцати копѣекъ** (18 коп.) съ вагона и версты; въ Тверь и на станціи, лежащія за Тверью, по **пятьнадцати копѣекъ** (15 коп.) съ вагона и версты. Для попудныхъ отправокъ остается въ силѣ тарифъ, дѣйствовавшій до настоящей публикаціи. 3—3.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Съ 15 февраля 1883 года по Московско-Курской дорогѣ перевозится: **сѣно по восьми копѣекъ** (8 к.) съ вагона и версты. Для попудныхъ отправокъ остается въ силѣ тарифъ, дѣйствовавшій до настоящей публикаціи. 3—3.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Съ 15-го февраля 1883 года по Московско-Курской дорогѣ перевозятся масла: **льняное, конопляное, сурѣпное, подсолнечное и рапсовое по двадцати копѣекъ** (20 коп.) съ вагона и версты при погрузкѣ не свыше подъемной способности вагона. При этомъ допускается двухъ-ярусная погрузка, но съ условіемъ устройства приспособленій для таковой погрузки на счетъ отправителя. 3—3.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА
МОСКОВСКО-КУРСКОЙ
ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

Съ 15-го февраля 1883 года по Московско-Курской дорогѣ перевозится **дубовая клепка**, отправляемая изъ Курска и изъ за Курска на станціи Московско-Курской дороги и на дороги, за ней лежащія, по **двѣнадцати копѣекъ** (12 коп.) съ вагона и версты. 3—3

ПРАВЛЕНІЕ
ХАРЬКОВСКАГО ЗЕМЕЛЬНАГО
БАНКА

доводитъ до свѣдѣнія гг. владѣльцевъ 6% закладныхъ листовъ означеннаго банка **третьей серіи**, что обмѣнъ талоновъ на новые купонные листы упомянутой серіи будетъ производиться съ **15 Февраля** по **30 Апрѣля** сего года въ **С.-Петербургѣ**, въ банкирскомъ домѣ **І. Е. Гинцбурга** (Конногвардейскій бульваръ д. 17) ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 2 часовъ по полудни, а послѣ 30 Апрѣля въ Правленіи банка **въ Харьковѣ**. При обмѣнѣ талоновъ на новые купонные листы у г. **І. Е. Гинцбурга въ С.-Петербургѣ**, кромѣ гербоваго сбора, въ размѣрѣ **60 коп.** за каждый листъ будетъ взиматься коммиссіонныхъ по **5 коп.**, съ листа. 3—3.

Печ. въ Курской Губернской Типографіи. Редакторъ Бѣльченко.